

© Совет Европы/Европейский суд по правам человека, 2012 г. Настоящий перевод не налагает на Суд никаких обязательств. Дополнительная информация приводится в полной версии уведомления об авторском праве в конце документа.

© Council of Europe/European Court of Human Rights, 2012. This translation does not bind the Court. For further information see the full copyright indication at the end of this document.

© Conseil de l'Europe/Cour européenne des droits de l'homme, 2012. La présente traduction ne lie pas la Cour. Pour plus de renseignements veuillez lire l'indication de copyright/droits d'auteur à la fin du présent document.

Бюллетень Европейского Суда по правам человека No. 84
Март 2006

Жданок против Латвии [GC] - 58278/00

[Ždanoka v. Latvia]

Постановление от 16.3.2006 [GC]

Статья 3 Протокола No. 1

Право баллотироваться на выборах

Бывший активный член Коммунистической партии во времена советской эпохи дисквалифицирован в качестве кандидата в национальный парламент: нет нарушения

Факты: Заявительница, 1950 года рождения, в настоящее время член Европейского Парламента, вступила в ряды Коммунистической Партии Латвии (КПЛ), регионального отделения прекратившей свое существование Коммунистической Партии Советского Союза, в 1971 году. Она оставалась членом КПЛ и после выхода из нее в апреле 1990 года отколовшейся фракции, выступавшей за независимость Латвии и многопартийную политическую систему. Латышский парламент, членом которого заявительница являлась на тот момент, проголосовал за независимость Латвии от СССР; парламентская фракция, к которой принадлежала заявительница, не принимала участия в голосовании.

13 января 1991 года, при участии КПЛ, произошла неудачная попытка государственного переворота. 3 Марта 1991 года состоялся референдум, содержание и важность которого оспаривается сторонами, завершившийся голосованием в пользу независимости. Латвия провозгласила полную независимость 21 августа 1991 года; спустя два дня КПЛ была объявлена вне закона и официально распущена в течение следующего месяца. Заявительница продолжала заседать в парламенте до выборов в июне 1993 года.

В марте 1997 года заявительница была избрана в Рижский городской совет от "Движения за социальную справедливость и равные права в Латвии". В июле 1998 года она выставила свою кандидатуру на выборах в парламент, но забрала заявление после того, как центральная избирательная комиссия решила, что ее кандидатура не соответствует требованиям закона.

В январе 1999 года Генеральная Прокуратура обратилась в Рижский окружной суд с требованием признать факт участия заявительницы в КПЛ после неудавшегося переворота 1991 года. 15 февраля 1999 Рижский окружной суд установил данный факт в ходе состязательной процедуры. Жалоба заявительницы на решение суда была отклонена определением коллегии по гражданским делам Верховного Суда от 15 декабря 1999 года. Начиная с этого дня, заявительница была дисквалифицирована и не имела права принимать участие в выборах, а также потеряла свой мандат в Рижском городском совете. Ее попытка добиться отмены определения коллегии по гражданским делам Верховного Суда не увенчалась успехом.

Заявительница предприняла попытку баллотироваться в качестве независимого кандидата на парламентских выборах 2002 года, но ей было отказано в регистрации.

Латвия стала членом Европейского Союза 1 мая 2004 года. Заявительнице было разрешено баллотироваться на выборах в Европейский Парламент, которые состоялись 12 июня 2004 года. Она была избрана.

Право: Потеря статуса жертвы. Суд признает, что статья 3 Протокола № 1 применима в части ссылки Правительства на тот факт, что заявительница имела право баллотироваться на выборах в Европейский Парламент. Тем не менее, то, что заявительница имела право баллотироваться на выборах в Европейский Парламент, не освобождает государство от ответственности соблюдать права, гарантированные статьей 3 Протокола № 1 в отношении выборов в национальный парламент: *предварительные возражения отклонены.*

Существо дела: Статья 3 Протокола № 1. Применяемые принципы таковы:

(а) Статья 3 Протокола № 1 сродни другим положениям Конвенции, защищающим различные формы гражданских и политических прав, таким, как, например, статья 10 или статья 11. Между данными положениями, несомненно, существует связь, которая выражается в необходимости гарантировать уважение по отношению к плюрализму мнений в демократическом обществе через осуществление гражданских и политических свобод. К тому же, Конвенция и Протоколы к ней должны рассматриваться как единое целое. Однако, когда предметом рассмотрения становится вмешательство в осуществление прав, предусмотренных статьей 3 Протокола № 1, Суд не должен автоматически прибегать к тем же критериям, которые применяются в отношении вмешательства государства, допускаемого в соответствии со вторыми пунктами статей 8-11 Конвенции; также он не должен в обязательном порядке обосновывать свои выводы принципами, вытекающими из применения статей 8-11. В силу значимости статьи 3 Протокола № 1 для институциональной системы государства, данное положение сформулировано иначе, нежели положения статей 8-11. Статья 3 Протокола № 1 сформулирована в общих выражениях, хотя Суд интерпретировал ее и как подразумевающую конкретные личные права. Критерии, подлежащие применению при установлении соответствия действий государства требованиям статьи 3 Протокола № 1 к

Конвенции, должны быть, поэтому, менее строгими, нежели применяемые в контексте статей 8-11 Конвенции.

(b) Понятие «подразумеваемых ограничений» в контексте статьи 3 Протокола № 1 является наиболее важным для определения значимости целей, преследуемых ограничениями прав, гарантированных данным положением Конвенции. Учитывая, что статья 3 Конвенции не ограничена конкретным перечнем «законных целей», подобных перечисленным в статьях 8-11 Конвенции, Договаривающиеся Стороны, таким образом, вольны полагаться на какую-либо цель, не содержащуюся в данном перечне, чтобы оправдать то или иное ограничение прав, при условии, что соответствие данной цели принципу верховенства права и общим целям Конвенции доказано в конкретных обстоятельствах дела.

(c) Понятие «подразумеваемых ограничений» в контексте статьи 3 Протокола № 1, также, означает, что Суд не применяет традиционные проверки «необходимости» или «насущной общественной потребности», используемые в контексте статей 8-11. Определяя соблюдение требований статьи 3 Протокола № 1, Суд остановился, преимущественно, на двух критериях: имел ли место произвол или отсутствие пропорциональности и противоречило ли вмешательство государства праву людей на свободу выражения мнения. В этой связи всегда подчеркивалась широкая свобода усмотрения, которой наделены Договаривающиеся Стороны. К тому же, Суд выделил необходимость оценивать любое избирательное законодательство в свете политической эволюции соответствующей страны, поскольку результат, представляющийся неприемлемым в контексте одной системы, может быть оправдан в контексте другой.

(d) Необходимость индивидуализации той или иной законодательной меры, расцениваемой лицом как нарушение Конвенции, и степень такой индивидуализации там, где этого требует Конвенция, зависят от обстоятельств каждого конкретного дела, а именно от характера, вида, продолжительности и последствий оспариваемого ограничения, установленного законом. Для того, чтобы ограничительная мера считалась соответствующей требованиям статьи 3 Протокола № 1, может оказаться достаточной меньшая степень индивидуализации, в отличие от ситуаций, касающихся предполагаемого нарушения статей 8-11 Конвенции.

(e) Что касается права лица баллотироваться на выборах, то есть так называемого «пассивного» аспекта прав, гарантированных статьей 3 Протокола № 1, то Суд был даже более осторожен в своей оценке ограничений в данном контексте, нежели когда ему надлежало рассмотреть ограничения права голоса, то есть так называемого «активного» аспекта прав, предусмотренных статьей 3 Протокола № 1. Таким образом, к праву баллотироваться в парламент могут предъявляться более строгие требования, чем к праву голоса. Фактически, в то время как критерий проверки правомерности ограничений в контексте «активного» аспекта статьи 3 Протокола № 1 обычно содержал более широкую оценку пропорциональности установленных законом норм, лишających

какое-либо лицо или определенную группу лиц права голоса, критерий, применяемый Судом в контексте «пассивного» аспекта статьи 3 Протокола № 1, в значительной степени ограничен проверкой наличия или отсутствия произвола в государственных процедурах, ведущих к лишению лица права выдвигать свою кандидатуру на выборах.

Применяя данные принципы, Суд отметил, в первую очередь, что критерий политической лояльности, который может применяться по отношению к общественным деятелям, имеет небольшое, или не имеет вовсе никакого значения для обстоятельств данного дела, которое касается совершенно отличного вопроса права лица быть избранным в парламент. Критерий "политического нейтралитета" не может применяться к членам парламента таким же образом, каким он применяется к другим государственным служащим, учитывая то, что они не могут быть "политически нейтральными" по своему определению. Далее Суд счел, что оспариваемые ограничения преследовали цели, совместимые с принципами верховенства права и общими задачами Конвенции, а именно, защитой государственного суверенитета, демократического порядка и национальной безопасности.

Что касается принципа пропорциональности, - заявительница утверждает, что политическая программа КПЛ демонстрирует, что она избрала путь демократизации с 1990 года; тем не менее намерения партии необходимо оценивать, прежде всего, ориентируясь на поведение ее лидеров и членов, а не на ее официальные лозунги. Заявительница никогда не отрицала своей причастности к попытке государственного переворота 13 января 1991 года.

Против заявительницы не было заведено уголовное дело. Если бы она была обвиняемой по уголовному делу, она бы могла воспользоваться такими гарантиями, как презумпция невиновности и толкование сомнений в ее пользу. Дисквалификация ее как кандидата на выборах в парламент являлась специфической мерой публичного права, регулирующей доступ к политическому процессу на высшем уровне. В контексте подобной процедуры сомнения могли толковаться и против лица, желающего баллотироваться, бремя доказывания могло быть переложено на это лицо, и предположения могли играть важную роль. Латвийские власти имели право, в рамках их усмотрения, предположить, что лицо в ситуации заявительницы имело взгляды, несовместимые с необходимостью обеспечить неприкосновенность демократического процесса, и объявить, что данное лицо не имеет права баллотироваться на выборах. Заявительница не отрицала верности этих предположений ни в национальных судах, ни в контексте актуальной процедуры. Конвенция не исключает ситуации, где объем и условия ограничительной меры были бы четко определены законодательством, оставляя национальным судам лишь задачу выверения принадлежности того или иного кандидата к категории или группе, на которую распространяется данная узаконенная мера. Особенно это относится к вопросам, касающимся статьи 3 Протокола № 1. Задача Суда сводится, в основном, к оценке того, является ли мера, определенная парламентом, пропорциональной с точки зрения данного положения, а не к признанию данной меры неправомерной только на

основании того, что национальные суды не были уполномочены "полностью индивидуализировать" применение данной меры в свете конкретной ситуации человека и обстоятельств дела.

У лиц в ситуации, подобной той, в которой находилась заявительница, имелся эффективный доступ к правосудию для определения вопроса, принадлежат ли они к категории граждан, в отношении которых действует правовое ограничение; процедуры по рассмотрению данного вопроса нельзя назвать произвольными или незаконными. Законодательство в отношении определения категории граждан, на которых распространялось ограничение, было ясно и четко сформулировано; оно было также достаточно гибким, чтобы позволить национальным судам определить, подпадает ли то или иное лицо под данную категорию.

То, что заявительница никогда не была привлечена к уголовной ответственности и не была лишена своего места в парламенте после январских событий 1991 года, не имеет первостепенного значения. Также не имеет значения вопрос, была ли КПЛ вне закона после 13 января 1991 года, учитывая тот факт, что подрывной характер ее деятельности был налицо, по крайней мере, начиная с этой даты, а также то, что заявительница приняла решение поддержать антидемократическую линию партии.

Также не представляется решающим и то обстоятельство, что оспариваемая мера была введена только в 1995 году. Неудивительно, что новой демократической законодательной власти потребовалось время на размышление в период политической смуты для определения мер, необходимых для поддержки ее достижений. Это особенно актуально для Латвии, в которой войска иностранного государства, России, оставались до 1994 года.

Мнение властей Латвии, что даже сегодня лишение заявительницы права баллотироваться на выборах в национальный парламент является правомерным, может считаться соответствующим требованиям статьи 3 Протокола № 1. Оспариваемое ограничение, наложенное на заявительницу, не было признано произвольным или непропорциональным. Нынешнее или прежнее поведение заявительницы не является существенным критерием на том основании, что ограничение было наложено ввиду ее политической позиции во времена важнейшего периода в борьбе Латвии за "демократию через независимость" в 1991 году. В то время, как подобная мера едва ли может быть расценена приемлемой в контексте одной политической системы, например в стране с устоявшейся системой демократических институтов, уходящей корнями в десятилетия и века, тем не менее, в Латвии такая мера может являться приемлемой, учитывая историко-политический контекст и угрозу новому демократическому порядку, исходящую от возможности возобновления идей, которые, при благоприятном для них развитии, могли бы способствовать возврату старого режима.

Суд, также, уделит внимание тому факту, что латышский парламент

периодически пересматривал соответствующее законодательство, последний раз в 2004 году. Другим еще более важным моментом является то, что Конституционный суд изучил в своем постановлении от 30 августа 2000 года исторические и политические обстоятельства, приведшие к принятию данного закона в Латвии и не нашел данное ограничение ни произвольным, ни диспропорциональным на тот момент, то есть девять лет спустя. Тем не менее, Конституционный суд потребовал, чтобы латвийский парламент подвергал данное ограничение постоянной проверке с тем, чтобы как можно скорее его снять.

Вывод: нет нарушения статьи 3 Протокола № 1.

Статьи 10 и 11: Не возникает отдельных вопросов.

© Совет Европы/Европейский Суд по правам человека
Данное краткое изложение подготовлено Секретариатом Суда и не имеет для Суда обязательной силы.

© Совет Европы/Европейский суд по правам человека, 2012 г.

Официальными языками Европейского суда по правам человека являются английский и французский. Настоящий перевод не имеет обязательной силы для Суда, и Суд не несет ответственности за его качество. Данный перевод может быть загружен из базы данных по прецедентному праву HUDOC Европейского суда по правам человека (<http://hudoc.echr.coe.int>) или из любой другой базы данных, в которую он был внесен Судом. Текст перевода может воспроизводиться для некоммерческих целей, с обязательным указанием полного названия дела и вышеприведенным уведомлением об авторском праве. По вопросам, связанным с использованием какой-либо части перевода в коммерческих целях, обращайтесь по адресу: publishing@echr.coe.int.

© Council of Europe/European Court of Human Rights, 2012.

The official languages of the European Court of Human Rights are English and French. This translation does not bind the Court, nor does the Court take any responsibility for the quality thereof. It may be downloaded from the HUDOC case-law database of the European Court of Human Rights (<http://hudoc.echr.coe.int>) or from any other database with which the Court has shared it. It may be reproduced for non-commercial purposes on condition that the full title of the case is cited, together with the above copyright indication. If it is intended to use any part of this translation for commercial purposes, please contact publishing@echr.coe.int.

© Conseil de l'Europe/Cour européenne des droits de l'homme, 2012.

Les langues officielles de la Cour européenne des droits de l'homme sont le français et l'anglais. La présente traduction ne lie pas la Cour, et celle-ci décline toute responsabilité quant à sa qualité. Elle peut être téléchargée à partir de HUDOC, la base de jurisprudence de la Cour européenne des droits de l'homme (<http://hudoc.echr.coe.int>), ou de toute autre base de données à laquelle HUDOC l'a communiquée. Elle peut être reproduite à des fins non commerciales, sous réserve que le titre de l'affaire soit cité en entier et s'accompagne de l'indication de copyright ci-dessus. Toute personne souhaitant se servir de tout ou partie de la présente traduction à des fins commerciales est invitée à le signaler à l'adresse suivante : publishing@echr.coe.int